

Кейт Мосс

**ДОЧЬ
ТАКСИДЕРМИСТА**

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
М83

Kate Mosse
THE TAXIDERMIST'S DAUGHTER
Copyright © Mosse Associates Ltd, 2016
All rights reserved

Перевод с английского Ольги Полей
Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Мосс К.

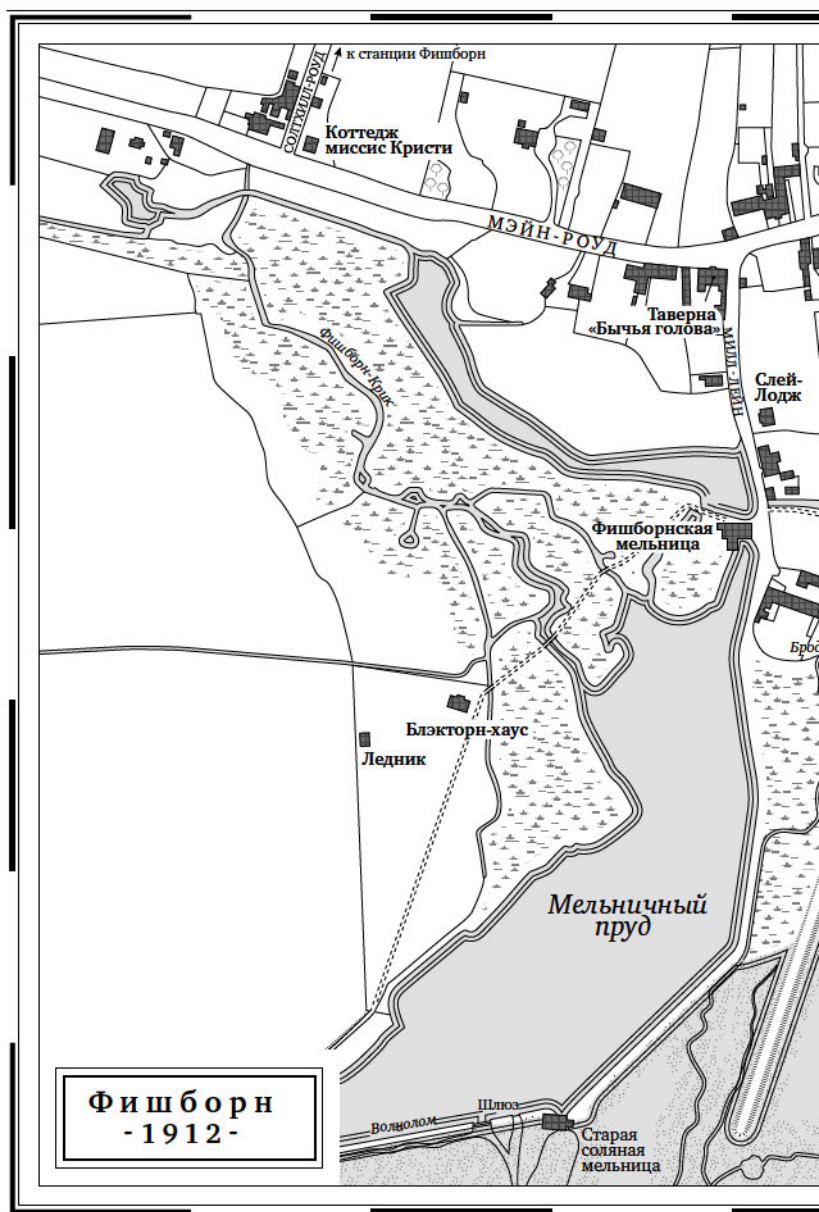
М83 Дочь таксидермиста : роман / Кейт Мосс ; пер. с англ. О. Полей. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2025. — 448 с. — (Дары Пандоры).
ISBN 978-5-389-27302-3

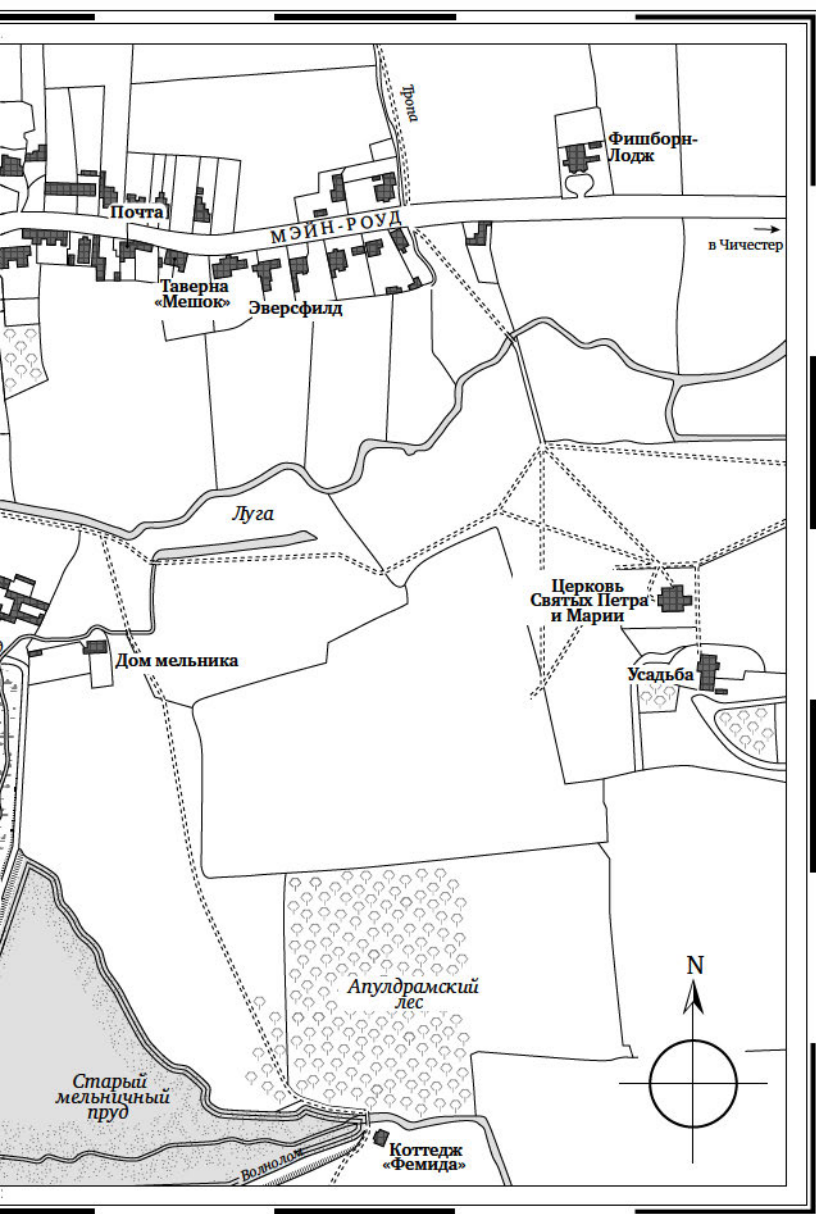
1912 год, Сассекс. В двенадцатилетнем возрасте Конни Гиффорд упала с лестницы и выжила лишь чудом. Теперь ей двадцать два, но она до сих пор не помнит ничего, что происходило с ней до страшного инцидента, кроме отдельных смутных обрывков. Конни живет со своим опустившимся отцом, некогда известным таксидермистом, в уединенном доме на заливаемых морем прибрежных пустошах. Однажды девушка находит в ручье неподалеку тело утопленницы, и к ней постепенно начинает возвращаться память, но эти воспоминания не менее опасны, чем поднимающаяся к дому Гиффордов вода, грозящая гибелью его обитателям.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-27302-3

© О. В. Полей, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Иностранка®

Аптекаря я вспомнил. Он живет
Поблизости. На днях его я видел...

.....

В аптеке черепаха, крокодил
И чучела иных морских уродов.

*У. Шекспир. Ромео и Джульетта
(перевод Б. Пастернака)*

«Теперь, — красотки был ответ, —
Святого Марка ночь,
И по преданью древних лет
Все сбудется точь-в-точь:
В полночный час из года в год,
Чуть колокол пробил,
Сонм обреченных душ бредет
Тропой среди могил.
Кому назначен смертный час
До будущей весны, —
Пройдут угрюмо мимо нас
Средь мертвой тишины».

*Джеймс Монтгомери.
Бдение святого Марка
1813 г.*

Пусть плоды вашего воображения растут
из той земли, что у вас под ногами.

Вилла Катер (ок. 1912 г.)

Пролог

Апрель 1912 года

Церковь Святых Петра и Марии
Фишборнские болота
Сассекс
Среда, 24 апреля

Полночь.

На кладбище церкви Святых Петра и Марии, у самых болот, безмолвно собираются в кружок люди. Смотрят, ждут.

Ибо существует поверье, что в канун Святого Марка можно увидеть, как призраки тех, кому суждено умереть в наступающем году, входят в церковь в урочный час. Почти везде в Сассексе это поверье уже давно забыто, но не здесь. Здесь, где соленый лиман открывает путь к морю, здесь, в тени старой соляной мельницы и останков сгоревшей мельницы Фархилла, полусгнившие бревна которой обнажаются при каждом отливе, — здесь древние суеверия по-прежнему сильны.

Кожа, кровь, кости.

Над морем слышны крики кроншнепов и чаетек — странные, навязчиво тревожные ночные голоса. Прилив подходит быстро, поднимается все выше и выше, затапливая илистые отмели, пока не остается ничего, кроме глубокой, беспокойной воды. Дождь барабанит по черным зонтам и матерчатым кепкам работников с ферм, молочников и кузнецов, стекает за воротники, просачиваясь между тканью и кожей. Никто не произносит ни слова. Огонь в фонарях мерцает и пляшет, от-

брасывая искривленные тени вверх по кремнево-
му фасаду церкви.

Здесь не место для живых.

Дочь таксидермиста стоит, притаившись в тени кипарисов. Она пришла сюда через болота следом за отцом. Конни видит, что Гиффорд стоит в толпе мужчин на крыльце, и ей это странно. Он ведь ни с кем дружбу не водит. Живут они уединенно, на другом берегу ручья, в доме, битком набитом мехом и перьями, стеклянными колпаками, черными глазками-бусинками, проволокой, ватой и паклей — тем, что осталось от некогда знаменитого таксидермического музея Гиффорда. Сломленного, беспутного человека, загубившего себя пьянством.

Но сегодня все иначе. Конни видит, что он знает этих мужчин, и они знают его. Между ними чувствуется какая-то связь.

В полночный час из года в год,
Чуть колокол пробил,
Сонм обреченных душ бредет
Тропой среди могил...

Строчки, затверженные когда-то в классной комнате, сами собой всплывают у нее в голове. Мимолетный проблеск канувших дней. Конни изо всех сил пытается удержать это воспоминание, но оно, как всегда, испаряется на лету.

Дождь льет сильнее, капли отскакивают от серых надгробных плит, от непромокаемых плащей и курток. Сырость просачивается сквозь подошвы ботинок Конни. Налетевший ветер треплет юбку,

хлопает ею по лодыжкам. Конни старается не думать о мертвецах, лежащих в холодной земле, прямо у нее под ногами.

И тут слышится шепот. Мужской голос, выговор образованного человека. Настойчивый, тревожный.

— Она здесь?

Конни вглядывается сквозь листву в туман, но не может разобрать, из чьих уст вылетели эти слова и предназначался ли вопрос кому-то конкретно. Как бы то ни было, он остается без ответа.

Конни удивлена тем, сколько людей собралось здесь — в такую-то непогоду! Почти всех она узнает в мерцающем свете лампы, висящей над крыльцом. Деревенские старожилы — Баркеры, Джозефы, Бойзы, Линтотты, Ридманы... Женщин всего одна-две. Есть тут, насколько удастся разглядеть Конни, и три-четыре джентльмена: они выделяются среди прочих фасоном одежды. Один из них — очень высокий и грузный.

Эти люди ей незнакомы, и выглядят они здесь, в деревне, неуместно. Какие-нибудь дельцы, врачи или владельцы поместий — из тех, чьи имена красуются на страницах местной газеты во время «фестиваля скорости» в Гудвуде.

Конни вздрагивает. Плечи сковывает отяжелевшая от дождя одежда, ноги онемели, но она не смеет шевельнуться. Не хочет выдавать себя. Ее глаза устремляются к отцу, но Гиффорда уже нет там, где он был только что, и в толпе тоже не видно. Может быть, он зашел в церковь?

Минута идет за минутой.

И тут в дальнем углу кладбища Конни улавливает какое-то шевеление. У нее перехватывает дыхание. Женщина стоит к ней спиной, черты скрыты под черной вуалью, но Конни кажется, что она уже где-то видела ее раньше. Капли дождя блестят на переливающихся перьях широкополой шляпы. Кажется, она тоже спрячется за деревьями. Конни почти уверена, что это та самая женщина, которую она видела на болотах на прошлой неделе. Во всяком случае, пальто то самое — с двойными швами, сильно приталенное.

В Блэкторн-хаус гостей не бывает. Людей по соседству живет мало, и отец ни с кем в деревне не сошелся настолько близко, чтобы приглашать к себе домой. Но в прошлую среду Конни заметила какую-то женщину — та стояла на тропинке, наполовину скрытая зарослями рогоза, и не сводила взгляда с их дома. В красивом пальто из голубой шерсти, с двойным швом, и в зеленом платье — правда, подол весь заляпан грязью. Перья и сетчатая вуаль на шляпке скрывали ее лицо. Фигура высокая, стройная. С виду совсем не из тех, кто станет бродить по затопленным полям.

Конни думала, женщина подойдет к двери и представится — ведь она, должно быть, здесь с какой-то целью? Новенькая в деревне, пришла пригласить в гости или познакомиться? Конни ждала, но женщина, поколебавшись несколько минут, повернулась и исчезла в предвечерней мороси дождя.

Конни пожалела, что не вышла тогда к нерешительной гостье, не заговорила с ней.

— Она здесь?

Этот шепот в темноте возвращает Конни из воспоминаний прошлой недели на холодный, сырой погост. Слова те же, но вопрос звучит иначе.

Колокола начинают звонить, звон эхом разносится по пустынному мысу. Все оборачиваются: каждая пара глаз устремлена теперь на западную дверь маленькой церквушки.

Кровь, кожа, кости.

Конни неожиданно для себя понимает, что тоже не сводит глаз с двери. Чудится ей, или правда толпа расступается, освобождая путь в церковь кому-то — привидениям, духам? Конни отказывается принимать за чистую монету такие суеверия, но что-то явно происходит — какое-то движение в тумане, в воздухе. Тени тех, кому уже опустилась на плечо рука Смерти? Или игра света от раскачивающегося на ветру наддверного фонаря? Конни не считает себя чрезмерно впечатлительной, однако это предвестие сбывающегося пророчества и в ее душе задевает какую-то струнку.

Здесь не место для мертвых.

Из своего укрытия Конни тщетно пытается разглядеть хоть что-нибудь за мужскими плечами и спинами, да еще и за сплошным навесом зонтиков. В голове у нее внезапно вспыхивает погребенное где-то глубоко воспоминание. Черные брюки, туфли... Сердце начинает колотиться о ребра, но вспышка памяти уже угасла.

Кто-то что-то бормочет себе под нос. Сердце и недовольно. Конни раздвигает ветки, чтобы лучше видеть. Суতোлка, возня, мужские голоса становятся громче. Звук распаивающейся цер-

ковной двери, лязг петель — и мужчины врываются внутрь.

Ищут кого-то? Гонятся за кем-то? Конни не знает, видит только, что кладбище вдруг почти опустело.

Колокола звонят громче, подхватывают собственное эхо, и звон длится дольше. Затем — крик. Кто-то разражается бранью. Взмахи рук во влажном вечернем воздухе. Беспорядочное движение — кто-то или что-то стремглав вылетает из церкви. Конни делает шаг ближе, отчаянно пытаясь разглядеть.

Не духи, не призраки — птицы. Целая туча маленьких птичек, стайка за стайкой — вылетев из своего заточения, они натыкаются на шляпы, врезаются в могилы, в надгробия, отчаянно стремясь на волю.

А колокол все бьет. Десять... одиннадцать...

В суматохе никто не замечает руку в черной перчатке. Никто не видит, как проволока захлестывается на горле и скручивается с безжалостной силой. Дикой, неумолимой. Капли крови — словно красная бархотка на белой коже.

Часы бьют двенадцать. Сквозь треск, свист ветра и неумолкаемый звон колокола крика никто не слышит.

* * *

Последняя нестройная нота затухает во мраке. На мгновение воцаряется глубокая, гулкая тишина. Ничего, кроме шума нестихающего дождя и ветра и лихорадочного пульсирования крови у Конни в ушах.

«Кому назначен смертный час...»

Время замирает неподвижно. Никто не двигается, никто не произносит ни слова. Затем — шорох, шарканье ног. Щелчок внутренней двери в церкви — открылась она или закрылась, непонятно.

— Всё, последние, — говорит кто-то. — Все улетели.

Беспокойное шевеление пробегает по толпе снаружи. Людям кажется, что их провели, разыграли, как дурачков. Что они стали жертвами обмана. Конни тоже словно очнулась от какого-то транса.

«Пройдут угрюмо мимо нас...»

Теперь в памяти у нее звучит женский голос — голос, который читал ей эти стихи вслух когда-то, давным-давно. А она записывала слова, чтобы лучше запомнить.

Почти все птицы изувечены или мертвы. Какой-то мужчина подбирает умирающего зяблика с надгробной плиты и бросает тельце в кусты, обрамляющие погост. Люди переговариваются вполголоса. Конни понимает, что им неловко. Никому не хочется признавать, что он обманулся, поверил, будто внезапное полуночное видение — не вырвавшееся на волю из ловушки птицы, а что-то другое. Им не терпится уйти. Они приподнимают на прощание шляпы и торопливо шагают прочь. Расходятся по двое, по трое.

Не призраки. Не видения мертвецов.

Конни ищет глазами ту женщину, что следила за домом Блэкторнов. Она тоже исчезла.

Конни хочется войти в церковь самой. Поглядеть, что там произошло — если что-то произошло. Увидеть своими глазами, все ли молитвенники на

своих местах, привязана ли к крюку полосатая веревка колокола, в порядке ли все скамьи, полированные мемориальные доски и аналой. Попытаться выяснить, как столько птиц оказалось запертыми внутри.

Стараясь держаться в тени, Конни выходит из своего укрытия и направляется к церкви. Земля вокруг крыльца усеяна крошечными тельцами. Зяблик и чирик, навсегда умолкшие. Вьюрок, зеленушка, коноплянка... В другое время Конни, может, и подобрала бы их, но сейчас самое главное — долг перед отцом. Она по-прежнему его не видит и тревожится, как бы он не ускользнул от нее. Ей часто приходится провожать его до дома от «Бычьей головы» — следить, чтобы он не поскользнулся в болотной грязи и не расшибся. И сегодняшний вечер, если не считать этого странного ритуала на кладбище, ничем не отличается от всех прочих.

Наконец Конни замечает отца. Видит, как он вытягивает руку, балансируя, чтобы не упасть, и идет, шатаясь, от церковной стены к гробнице. В свете единственного непогашенного фонаря она видит его голые руки — красные, будто ошпаренные, что сразу бросается в глаза на фоне камня и лишайника. И грязные вдобавок. Плечи у него сгорблены, словно он пережил какое-то ужасное горе. Жалобный звук вырывается у него из горла — будто у терзаемого болью зверя.

Затем Гиффорд выпрямляется, поворачивается и идет по тропинке. Шаг у него твердый. Конни понимает: сильный дождь, холод и происшествие с птицами отрезвили его. По крайней мере, сегодня о нем можно не беспокоиться.

Кровь, кожа, кости. Одно черное перо из хвоста.

Ветер катает по тропинке черную стеклянную бусину. Конни подбирает ее и спешит следом за отцом. Она не замечает темной безжизненной фигуры на земле в северо-восточном углу кладбища. Не замечает скрученной окровавленной проволоки.

Конни не знает, что в нескольких ярдах от изуродованных тел певчих птиц лежит мертвая женщина.

ЧАСТЬ I

Неделю спустя

Среда

Глава 1

*Блэкторн-хаус
Фишборнские болота
Среда, 1 мая*

Конни смотрела на скальпель в руке. Тонкое блестящее лезвие, рукоять из слоновой кости. На неискушенный взгляд он походил на стилет. А в других домах его приняли бы за нож, которым режут овощи и фрукты.

Не мясо.

Конни бережно держала в руке мертвую галку, ощущая память о тепле и жизни в ее мертвых мышцах, сухожилиях и венах, в тяжело свесившейся шее. *Corvus monedula*. Черные блестящие птицы с пепельно-серыми шеями и теменем.

Очень светлые глаза. Почти белые.

Все инструменты уже наготове. Глиняная миска со смесью воды и мышьякового мыла. Несколько полосок ткани и ведро на полу у ног. Газета. Щипцы, скальпель и напильник.

Конни осторожно положила птицу на газету. Пальцами раздвинула угольно-черные перья и нацелилась лезвием в верхнюю часть грудины. Затем в радостном предвкушении, которое всегда испытывала в такой момент, приставила кончик к груди, выбирая наилучшее место для прокола.

Галка лежала неподвижно, не противясь своей судьбе. Конни сделала вдох и следом — медленный выдох. Своего рода ритуал.

Когда Конни впервые попала в мастерскую отца, ее тут же замутило — от запаха сырого мяса, непереваренной пищи и гниющей падали.

Кровь, кожа, кости.

В первые дни она не расставалась с носовым платком, которым завязывала нос и рот. Дух у этого ремесла был ядреный — спирт, затхлый запах льняной пакли, льняного масла, краски для когтей и лап, клювов и самих чучел. Слишком резкий для детского обоняния. С годами Конни привыкла к этим запахам и теперь почти не замечала их. Более того, она считала, что умение распознавать запахи — необходимая часть работы.

Она бросила взгляд на высокие окна, тянущиеся вдоль стены мастерской. Сегодня они были приоткрыты, чтобы в мастерскую входил свежий воздух. Небо наконец-то стало голубым после нескольких недель дождей. Конни подумала — удастся ли уговорить отца спуститься к обеду? Хотя бы на чашку мясного бульона?

После того, что произошло на кладбище неделю назад, Гиффорд почти не выходил из своей комнаты. Конни слышала, как он расхаживает взад-вперед до утра, что-то бормоча себе под нос. Это вредно для него — сидеть вот так взаперти. Вчера вечером она наткнулась на него на лестничной площадке — он стоял, пристально глядя через окно на темнеющий ручей, и стекло запотело от его дыхания.

Конни уже привыкла по несколько дней подряд наблюдать его в непотребном состоянии после запоя. И все же ее тревожило то, как сильно он сдал физически. Красные воспаленные глаза, из-

можденное лицо, шестидневная щетина на подбородке... Когда Конни спросила, не нужно ли ему чего-нибудь, он уставился на нее так, словно не имел ни малейшего представления, кто она такая.

Конни любила отца, и, при всех его недостатках, они неплохо ладили. Таксидермия считалась неженским занятием, однако Гиффорд — втайне от всех — нарушил традицию и передал дочери свои умения. Не только умение резать и набивать, не только ловкость и проворство рук, но и страстную любовь к своему ремеслу. Веру в то, что в смерти можно найти красоту. В то, что процесс создания чучела — преддверие новой жизни. Неподвластной смерти, совершенной, великолепной, в противовес изменчивому, разлагающемуся миру.

Конни не могла точно вспомнить, когда из пассивной наблюдательницы она превратилась в ученицу Гиффорда, помнила только, что это оказалось для них спасением. Рука Гиффорда утратила твердость. Глаз утратил остроту. Никто не знал, что те немногочисленные заказы, которые им пока еще перепали, выполняла Конни. И все же дела их пошатнулись. Вкусы изменились, и чучела зверей и птиц, когда-то украшавшие каждую гостиную, в новом столетии вышли из моды.

Однако Конни знала: даже если им больше не удастся продать ни одного чучела, она все равно не бросит любимое ремесло. Она хранила в душе память о каждой птице, прошедшей через ее руки. Все они оставляли на ней свой отпечаток — так же, как она оставляла свою метку на них.

Сквозь открытые окна Конни слышала, как стрекочут галки, обосновавшиеся с недавних пор на то-

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

КЕЙТ МОСС
ДОЧЬ ТАКСИДЕРМИСТА

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Александр Александров
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Галина Седова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 23.01.2025.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 23,52. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т. ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

R-PDA-36307-01-R